

ГОИТ

Газета о нашей гимназии

24 сентября 2024 года № 3 (302)

Мир – это книга, и тот, кто не путешествует, читает лишь одну страницу.

Святой Августин

**ПУТЕШЕСТВИЯ
ГИМНАЗИСТОВ**

1543

Часть 2

Путешествие из Москвы в Петербург

Недавно мы с классом побывали в Северной столице России - Санкт-Петербурге. Уроки 5 сентября шли поразительно быстро (еще бы, я весь день представляла себе петербургскую архитектуру, и Невский проспект, и широкую сеть рек и каналов, и, что меня завораживало больше всего - море). Наш поезд - двухэтажный, внушительных размеров, правда, как потом оказалось, ужасно медленный (он 10 часов плелся!), и самое главное, - мы ехали в купе, как короли. Да-да, биокласс в купе! Неслыханное зрелище! В общем, мы довольно весело провели время, сидя в этом громадном поезде.

Прибыв на Московский вокзал Санкт-Петербурга 6 сентября в 11 часов дня и позавтракав в кафе, мы встретились с нашим гидом и отправились на обзорку по городу. Нам рассказывали про Эрмитаж, Русский музей, Адмиралтейство, Казанский собор и еще про многие-многие другие питерские «диковинки». Особенно мне понравилась легенда про Подземелье Летнего сада. Говорят, что Петр I приказал вырыть под садом ходы и туннели, чтобы спастись там в случае нападения заговорщиков. Еще мне запомнился крейсер «Аврора», который в ноябре 1948 года стал на вечную стоянку, и Медный всадник в окружении цветов. Мы также побывали на смотровой площадке около Дворцового моста. Там, помимо завораживающего вида на Неву, я нашла предмет своей научной работы - ряску. Я удивилась, как она тут живет, ведь на Неве течение ого-го! Бедную ряску трясло, как самолет в зоне турбулентности.

Загадав желание находившимся неподалеку грифонам (это был целый ритуал: для этого нужно погладить грифона по голове, положить руку ему в пасть и произнести желание про себя. Самое главное - делать все с закрытыми глазами, а иначе...) и подивившись на древних египетских сфинксов на набережной,

мы, как биологи, отправились грызть гранит науки: сначала в Музее почвоведения, затем в Зоологическом музее. Первый меня, честно говоря, не особо впечатлил. Правда камушки были красивые, да и срезы почв тоже любопытно посмотреть. Тема экскурсии - «Вся правда о том, стоит ли Петербург на болотах», хотя в результате немного прояснилось, и я так и не поняла, стоит ли этот ваш Питер на болоте или нет.

Часть группы (и я в их числе) пришла в Зоологический музей на двадцать минут позже - мы любовались тараканчиками из семейства *Blaberidae* (новый экологический проект - возможно эти тараканы умеют перерабатывать пластик). Зоологический музей - огромный зал с кучей чучел и экспозиций. Там есть даже несколько настоящих мамонтов, найденных у рек Колыма и Печора, и на некоторых даже сохранилась шерсть!

Затем, после ужина, было свободное время, и мы заселились в гостиницу для ночевки.

Утром следующего дня мы отправились в Петергоф - сейчас это небольшой уютный город, а раньше это была одна из дач Петра I. Нам провели довольно

длинную экскурсию по саду, во дворце Марли. В парках было много красивых фонтанов, а самое главное - там есть несколько фонтанов, по которым можно бегать. В будке сидит дядя, который за ними следит и пускает мощные струи воды, когда по фонтану бегают человек. Я изрядно промокла... Ну, а потом мы долго гуляли по парку, полюбовались Финским заливом (!), на огромный засаженный яблонями участок, поели мороженое.

Прибыв обратно в Петербург, мы немного покатались на кораблике (я была поражена этой водной сетью, не зря Питер называют Северной Венецией). Потом было много свободного времени... Собрав группу, мы дружным трио решили поискать в городе магазин сувениров. А самое интересное, что на Яндекс.Карте сувенирных магазинов подозрительно мало, и топать до ближайшего («Магазин Петербургских котов») довольно долго. Мы решили погулять до него, по дороге заглядывая в другие сувенирки, не отмеченные на карте. «Магазин Петербургских котов» и впрямь оказался котятным и очень даже милым. Много разных красивых штучек ручной работы, правда, дорогих. Потом оказалось, что мы забрели на Невский проспект... Он был именно таким, каким я себе его представляла, и я даже вспомнила весь сюжет и всех героев одноименной повести Гоголя. А еще проходили мимо «Музея пыток» и сфотографировались на его фоне. Гуляли до вечера!

На следующий день наш класс пошел в Музей воды - финальную точку нашего маршрута. И честно сказать, этот музей понравился мне больше всего. Красочные экспозиции, интересная экскурсия на водонапорной башне и под ней, квест - мне нравятся музеи такого формата. На выходе из башни - скульптура водовоза. Его тут же атаковали наши, ведь все знают, на обиженных 9Б возит свиней.

В общем, скажу так: поездка мне однозначно понравилась. Были, конечно, скучные экскурсии, но для меня, как человека, видящего Питер впервые, восхищающегося архитектурой и набережными рек неизвестного прежде города, восхищение затмевает все остальные чувства.

Лина Матиева, 9 «Б»

Школьная жизнь. Эпизоды.

С 6 по 8 числа сентября наш 10в класс был в Смоленске. Смоленск - небольшой тихий городок с населением чуть более 310 тысяч, находится неподалёку от Белорусской границы.

Смоленск занимает важное место в истории русской культуры и истории. Недалеко от города располагается известное имение Талашкино - именно здесь творили известные художники Репин, Рерих, Врубель, композитор Стравинский, великий оперный певец Фёдор Шаляпин.

Неподалёку от Смоленска располагается крупнейший в Восточной Европе курганный комплекс, в котором было около 5 тысяч захоронений, на данный момент 1200 из них раскопаны.

Гнездово Курганный комплекс

11д также побывал в Смоленске в начале сентября

В Смоленске находятся руины Смоленской (логично) крепости, которая является крупнейшей кирпичной крепостью мира, сохранившейся до настоящего времени. Смоленская крепость превосходит Кремль по общей протяжённости стен в три раза. Защитники именно этой крепости с сентября 1609 по июнь 1611 года сопротивлялись основным войскам Речи Посполитой.

Во время Великой Отечественной войны, а именно в 1941 году, на территории курганного комплекса был заложен бункер "Медвежья берлога". Он должен был стать ставкой Гитлера, однако сам Гитлер его не использовал, вместо этого там был штаб группы армий "Центр". Подземные площади бункера не изучены и по сей день.

Смоленск был ярким эпизодом нашей школьной жизни и, не знаю, как с остальными моими одноклассниками, но автору этого фрагмента текста поездка дала пищу для размышлений и новые знания.

С уважением,

Петр Гутник и Максим Бурлаков, 10 «В»

Наш путь в Середниково

Наш новый гуманитарный класс - класс людей мечтательных, задумчивых и творческих, отправился на два дня в поход в усадьбу Середниково, где провёл несколько летних каникул своей бурной юности Михаил Юрьевич Лермонтов. Он приезжал туда к своей бабушке, познакомился со своей первой любовью и написал много стихотворений ночью у окна.

Это была первая усадьба, с которой нашему классу суждено было познакомиться. Но чтобы оказаться в ней, нам нужно было пройти разные испытания: приготовить еду на костре, пройти примерно 15 километров по лесу с огромными рюкзаками, переночевать в палатке, узнать о подростковой жизни Лермонтова и рассказать ночью у костра его стихотворения.

Первые испытания наш класс прошёл стойко: хотя многие устали идти, часть ребят пошла за водой к роднику за три километра от лагеря. Мы помогали друг другу ставить палатки, собирали

хворост в окрестностях, учились варить гречку на костре. А духовные испытания случились тем же вечером после такого утомительного дня.

Мы пили горячий чай, сидя совсем рядом друг с другом на неотёсанных брёвнах, и не чувствовали холода, слушая под оглушающий шум пролетающих самолётов истории из жизни и стихи Лермонтова, написанные, когда ему было столько же лет, сколько сейчас нам. Мы пели песни у потрескивающего костра, который освещал только очертания наших лиц, придвигаясь из-за

холода сентябрьских ночей к костру всё ближе и ближе.

Мы были одни - дружные, мечтательные, будто бы против всего остального мира в этом укромном уголке загадочного полуночного леса.

Гуманитарии прошли все земные и духовные испытания на пути к заветной усадьбе: холод, тяжёлые рюкзаки, еда, приготовленная из консервов, и не самая лучшая дорога, но успели насладиться красотой природы вокруг, маршмеллоу на костре, чаем с ромашкой, мёдом и калиной и погрузиться у ночного костра в ту атмосферу летних ночей юного Лермонтова, когда он, озарённый приступом вдохновения, слагал под неяркий свет свечи у окна свои первые стихотворения, идеи которых послужили основой его новых творений.

Усадьба Середниково - удивительное место старинных белых домов вокруг высоких елей и рядом с красивым озером. Я так ждала встречи с этим местом, ведь ещё вчера слушала о жизни Лермонтова и рассказывала наизусть его стихотворения. Я запомнила цветы в горшках, портреты на стенах, цветные витражи, искусно украшенные потолки (на одном даже был сюжет из одного известного стихотворения), каждую комнату со своей атмосферой...

Больше всего мне запомнился момент, когда один из моих одноклассников прочитал стихотворение "Нищий", ведь как раз здесь почти двести лет назад оно было написано.

Это непередаваемое ощущение, которое я не испытывала никогда в своей жизни. Но хочу почувствовать его ещё раз, когда будущим летом мы поедem в Михайловское, где Пушкин во время ссылки написал многие свои известные творения.

После интересной экскурсии мы сидели у озера на траве под ярким и ещё летним солнцем, рассматривали уток и готовили еду. Все очень устали, но были очень довольны, что достигли своей цели. Эта поездка помогла нам ещё больше сдружиться, получить первый опыт похода, ведь нам в будущем предстоит еще не один, увидеть и узнать многое об авторе, стихотворения и пьесы которого мы будем читать в этом году.

Дарья Бородина, 8 «Г»

Лермонтов гуманитарного класса

*Лето, которое притворилось осенью,
и осень, которая осталась летом.*

...Было начало сентября, а гуманитарии в первый раз отправились вместе в поход. Природа дышала хвоей, деревья пели ветром, а гуманитарии стояли у автобуса с десятикилограммовыми рюкзаками за спиной, заспанными лицами и мурашками. Все было обыденно и ново одновременно: долгий лес, в котором предстояло спать целую ночь, дети вокруг, которые являются новыми одноклассниками, и ощущение предстоящего похода.

Мы шли недолго, но это «недолго» показалось вечностью, приятной, взбудораживающей, порой нагнетающей. У нас были путеводитель и хронометрист, и это были наши одноклассники, отчего появилось ощущение, что мы не в лесу около Москвы, а на качающемся по волнам Карибского моря корабле, пытающиеся в одиночку, будучи неопытными детьми-подростками, найти себе путь к суше. Не было бы взрослых, я бы даже забыла, что мы просто в лесу, под присмотром родителей и проводников. В один момент захотелось сбежать от них с одноклассниками куда-то далеко, где нас не найдут взрослые, зажигать костры и танцевать вокруг них, притворяться пиратами, лесными ведьмами, подсолнухами и одуванчиками, чтобы уж точно не нашли. Хотелось кричать, что мы дети, цитировать Брэдли, вырисовывать угольками по коре деревьев древние руны. Мы дети-гуманитарии, нам можно в реальной жизни попадать в нереальную и наслаждаться ею!

Тем не менее мы просто шли дальше, ели горькую рябину, царапали колени о ветки кустарников и жглись крапивой. Мы дышали лесом. Мы как будто были одни в этом лесу, не было мира, Москвы и других людей. Мы готовили себе еду на костре. Она всегда была соленая. В жизни я бы отказалась от

пересоленного супа, но в лесу ела его с удовольствием, так как в лесу все казалось правильным, даже пересоленный суп.

Лучше всего было вечером, когда все расселись вокруг костра. Сначала мы слушали учителя, который рассказывал про детские годы Лермонтова и о периоде его жизни, когда он каждое лето приезжал в усадьбу Средниково и писал свои ранние стихотворения. Мы слушали про его первую любовь, этой девушке он в более зрелом возрасте жестоко отомстил за пренебрежительное отношение к нему, зная лишь это, я составила преждевременное мнение о Лермонтове. Ее звали Екатерина Сушкова, она была жестока по отношению к молодому Михаилу и всячески издевалась над ним. А он тем временем каждый вечер писал ей любовные стихотворения, вкладывая в них всю свою любовь и боль, переполняющие сердце и разум неокрепшего подростка.

А ведь раньше я ненавидела Лермонтова, наслышанная о его гнусных и безнравственных поступках, я определила его как человека беспринципного и бессердечного. Узнав же о Сушковой, я задумалась. Лермонтов был ребенком-подростком, почти моим ровесником, когда в первый раз влюбился. Первая любовь – это всегда что-то бесценное и сакральное, это то, что ты бережно хранишь в сердце, это впервые родившиеся, ранее незнакомые и невероятно сильные чувства. Влюбленность. И у Лермонтова эти священные и дорогие подростку чувства растоптала его Любовь, превратила в ничто, сровняла с землей и посмеялась, посчитав чем-то ненужным, чем-то смешным и неважным. Может быть, именно эта детская травма Лермонтова стала причиной его последующих, далеко не лучших поступков по отношению к женщинам. Он озлобился на них, перенес отрицательные черты характера своей первой любви на всех женщин. Может быть.

После Лермонтова выпускник Елены Всеволодовны играл нам на гитаре и пел песни культовых певцов, мы подпевали. Иногда молчали, потому что не знали песен, ведь некоторые из них родились раньше нас. Потом на гитаре играли две наши

одноклассницы. Мы пели песни наших любимых групп. Мы пели тихо, ведь голоса слабые, а подпевали так громко, что слышали только наши органы, потому что чувства сильные. Было холодно и тепло одновременно. Холодно - из-за ночи, тепло - из-за песен.

Костер горел еще долго. Дети спали, убаюканные колыбелью пролетающих самолетов, окутанные влагой холода и впечатлений, исцелованные комарами. Исцелованные, а не искусанные! Комары кусают летом, осенью - целуют. На прощание.

Утром было холодно, это был приятный холод, приятные мурашки, приятный завтрак после приятного сна, все было приятно. Даже Средниково. Интересно, ненавидел ли Лермонтов впоследствии это место за то, что оно хранит его обесцененные любимой чувства, его отвергнутые стихи, боль, его слезы, его «ночью, сидя у окна в Средниково». Хотелось услышать про это, но нам рассказывали про Сушкову.

Мне вправду понравилась усадьба, она было красиво обустроена и богато убрана. Особенно понравился задний двор. В нем было много людей: экскурсоводы, дети, мы. Но мне показалось, что в этот момент здесь был лишь Лермонтов, сидящий в ночи около кустов, рыдающий над исписанным листом и пишущий «Нищего», потому что сегодня на балу Екатерина Сушкова снова смеялась над ним.

Это был мой первый поход, мои новые одноклассники, новые песни, мой новый Лермонтов. Я поняла, зачем нам нужен был хронометрист, который записывал на диктофон время происходящих событий.

Ведь гуманитарии — это незабудки, они хранят воспоминания.

А воспоминания будут хранить их.

Эмилия Дзарахохова, 8 «Г»

Поход в Середниково

"Записки штурмана"

Приезд в пункт назначения. Выходя из автобуса, все понимают, что прощаются с ним на целые сутки. Каждый берет рюкзак и отправляется в свой первый поход с новым классом.

Получив инструктаж от профессионалов своего дела, надо уже быть готовым начинать вроде длинный, а вроде и не очень путь до места ночлега. Во время разговора с товарищами, прилетает предложение командира стать штурманом, тем, от кого зависит путь до стоянки, тем, кто ведет за собой еще сорок человек. После долгого молчания, я решаюсь попробовать взять карту, единственное, что меня обнадеживает - это четверка в году по географии и крутое название моей должности на следующие два дня. Но еще больше оптимизма появилось после того, как мне выдали прикольные наручный компас и бинокль (до сих пор я так и не понял, зачем мне нужен был бинокль).

Первые пару часов, когда наша группа замыкала строй, моя работа заключалась в том, что я нес планшет и периодически осматривал в бинокль деревья. Все изменилось, как только мы стали первыми. Это был интересный опыт. Мне показали маршрут, по которому мы следуем, а я в свою очередь следил, чтобы мы не пропустили какой-либо поворот, иногда прибегая к помощи инструкторов. Так, минуя мох, деревья и болото мы дошли до первой стоянки. А как только путешественники доходят до стоянки, хронометражисты, штурманы, врачи - все становятся разнорабочими. Я, в свою очередь, после недолгого сидения на бревне, научился рубить бревна, искать маршмеллоу и профессионально работать пилой, незаметно сломав ее (незаметно, даже для самого себя). Далее мы пообедали и пошли далее, но я уже не был штурманом.

Хотя закончил путь до стоянки все же я, и после очень короткого перерыва несколько разнорабочих, включая меня, отправились за водой. Возможно, людей пошло бы меньше, если

бы они знали о том, что чтобы принести двадцать пять литров воды, нужно пройти три километра. Ведь если путь с одной пустой бутылкой к роднику был интересен и приколен, то путь с двумя полными казался изнурительно долгим и неприятным.

После возвращения мы немедленно пошли ставить палатку с моими друзьями. Собрав знание каждого в одно представление, мы, не без мучений, поставили сначала внешний, а затем

внутренний слой. А вечером, после настоящего походного ужина-гречки с тушенкой и сладкого чая, лекции про Лермонтова и его жизни в Середниково, начался вечерний концерт, благодаря которому я узнал о таких группах, как ДДТ, Машина времени, послушал классику Цоя и несколько других исполнителей. А после отбоя мы разумеется сразу пошли спать.

На следующий день, после завтрака и еще более мучительных попыток собрать палатку, мы отправились дальше. Усадьба Середниково, неожиданно для меня, оказалась очень красивым и ухоженным местом, с красивым газоном, по которому нельзя ходить, интересной историей и архитектурой. Но больше всего мне понравился парк с озером и большими деревьями. Это придает усадьбе живости и красоты. Пообедав последний раз, испив воды из озера с экспериментальным фильтром, наш класс отправился к автобусу.

Не знаю, как все, но я бы еще не раз пошел в такой поход, вместо скучного, проведенного дома выходного за компьютером и уроками. В походе я многому научился и набрался многих впечатлений. С какой-то небольшой приятной грустью я отдал бинокль и компас, и сел в автобус.

Никита Митричев, 8 «Г»

Как гумкласс в сказку ходил

В некотором гуманитарном царстве, в некотором государстве проснулся трехглавый дракон гумкласса, и стали его головы перешептываться, переговариваться, какое же испытание дать их новоизбранным воинам. Воины молодые, неопытные, еще не прошедшие через страшные испытания рефератами, но бодры и веселы. Договорились головы гуманитарного дракона отправить гуманитариев в страшный лес, в Средниково, к поэту Лермонтову.

Встали добры молодцы и красны девицы с рассветом, надели на себя тяжести неподъемные и отправились в путь.

Шли гуманитарии по лесу, шли по болотам зыбучим, шли по зарослям непролазным, смотрели на деревья-великаны, крапиву колючую и ягоды смертельные, шли и не испугались! Прошли воины сквозь чащу леса и вышли к полянке небольшой. Там развели гуманитарии костер с помощью магии света солнечного и стали варить зелье в канах. Потом снова ринулись отважные

гуманитарии в бой с крапивой и тропами непроходимыми, и наконец вышли к их желанному месту. На месте этом волшебном как будто из-под земли вырос град с палатками.

Пошли гуманитарии искать себе воды чистой,

родниковой и клады, лешим в кустах запрятанные. Снова огонь они волшебный развели и сели слушать истории диковинные. И

слушали они про усадьбу красивую, стихи легендарные, молодого Лермонтова и про красавицу-Сушкову. После же гуманитарии песни петь стали с гитарой, и началась жестокая битва. Боролись воины с холодом, с комарами и пауками, с неудобными спальными мешками. Не все здоровыми вышли из этой битвы, но воины храбрые преодолели все препятствия и победили злых лесных духов! И вновь пошли отважные гуманитарии дальше, и преодолевали болота по веревкам, и с тарзанок летали. Удивились духи лесные стойкости гуманитарных воинов и открыли им проход в литературное царство - усадьбу Середниково. Побродили по дому Лермонтова гуманитарии, окунулись в творческое вдохновение и вернулись в свое царство-государство за 1543 версты.

Смогли смелые гуманитарии поход пережить и все напасти победить! Смогли сквозь леса таки добраться до Середниково! Смогли остаться гуманитариями в самых негуманитарных условиях! Посовещались снова драконы гумкласса и сказали: "Ай-да гуманитарии! Ай-да молодцы!"

Мария Кайро, 8 «Г»

Что такое осень?

Все говорят, что осень – это падающие листья, дожди, лужи... Но для меня осень – это сентябрьская поездка с гуманитарным классом куда-то далеко-далеко, в чащобу, под пение самолётов и свистки одноклассников, в усадьбу Середниково. Для меня осень – это юный Лермонтов, рассказы о его первой любви, улица «Мцыри» возле ж/д станции... И, как награда в конце пути, – последний обед возле озера около усадьбы Середниково под куполом ясного и солнечного неба.

Началось всё на автобусной остановке, где мы все надели огромные рюкзаки и пошли в путешествие по неизвестному лесу. Когда мы пробирались сквозь лесные заросли, казалось, что это не официальное школьное мероприятие, а всего лишь летняя расслабленная и воздушная прогулка по живо пахнущему лесу, мягким мхам, зацветшим лужам под музыку голосов, шуршание листьев, отдалённый ропот машин... Если внимательно вглядываться и прислушиваться ко всему этому, то боль плеч и спины от тяжёлого рюкзака становится незаметной и даже немного приятной. Как только мы дошли, наконец, до желанного привала возле маленького прудика с камышами, сразу полетел пух свежего рогоза, и зелёная поляна леса превратилась в снежные пушистые поля, а в волосах и на одежде заискрились отдельные «снежинки».

До желанной цели оставалось совсем недолго, и, спустя пару часов, мы уже сидим у костра, едим бесконечные маршмеллоу и сосиски, а через тропинку виднеется целый город из палаток. Едва заметные лики людей, тёплый костёр и пение великой «Восьмиклассницы», и чтение стихотворений Лермонтова – в этом есть что-то связывающее, что-то

объединяющее всех нас до сих пор, спустя неделю после похода. Рассказы про обаятельную, но очень коварную первую любовь Лермонтова - Сушкову, которая в будущем сильно поплатилась за игру с чувствами молодого поэта, про демоническую натуру Лермонтова, песни выпускника прошлых лет Паши, песни девочек и в результате хор всего гумкласса - это тот самый осенний вечер, который я буду вспоминать при слове «осень».

На следующий день, пройдя испытания на прочность через болото, овраг и гать по брёвнам - о чудо! - мы пришли в усадьбу. Больше

всего мне запомнилась картина на потолке в концертном зале - финал поэмы «Демон», где прекрасную Тамару уносит ангел, а демон в страданиях пытается дотянуться до неё, забрать себе. Тот самый мотив губительной любви, ведь демон иначе любить не может - он исчадие ада! И вот это то, ради чего я прошла 15 километров, эта красота,

нежность и изящность - вот, что такое осень! Осень - это искусство. Осень - это мы.

Дарья Побережская, 8 «Г»

Наш путь в Середниково

Лучи солнца прочно натянуты золотой сетью между деревьев. Под ногами вздымаются холмами, но не поросшими вереском или чертополохом, а только чуть подернутыми скользкой пленкой мха гати. Солнце опрокидывается куда-то за горизонт и ослепляет огромным своим кристаллом посреди мелкопесчаного, лишь к востоку голубеющего неба. Я поднимаю голову выше, взгляд путается в лабиринте низко склонившихся, усталых под своей набухшей, потемневшей за лето тяжестью ветвей елей - очередной лабиринт: наверное, когда первобытные люди выкладывали сложные спирали и двойные ионики из камней, они тоже смотрели на ели и на далекие, поросшие хвоей лучи янтарных сосен, и на блестящую паутину, чуть дрожащие нити которой в бессилии остановить путника, надрываясь, долго еще тянутся за ним, как тончайшие остовы невидимого плаща.

На ходу что-то напеваю, шум шагов забирает ритм на себя, песня становится похожа на шепот - некий тайный разговор с тропой, предупреждающий каждый новый ее поворот за мощными стволами деревьев. Ноги привыкли и больше не оступаются, вдалеке за стволами полыхает в последней вечерней агонии небо - значит, скоро выйдем из чащи. Чешуйчатые стволы нехотя расходятся в стороны, отворачиваются, напоследок хлещут костистыми крыльями веток. Пожалуй, они впрямь похожи на драконов, и, если забраться на самые их верхушки, можно будет увидеть застывшие над долиной в гордом молчании огромные рептилеобразные головы наподобие той, что мы еще утром заметили в виде отрубленного пня. Мы выходим на открытое пространство, чуть шуршат травы, гнутся неизбывные колоски с белым пухом то вправо, то влево, наверное, если бы у них был голос, они бы тоже сейчас выводили переливчатые рулады. Пейзаж серовато-коричневый, первыми осени всегда сдаются березы и осины, а их тут много, только теперь чувствуется, что лето закончилось, но верить в это не хочется. Еще днем, когда

мы проходили по поселку, никогда нами не виденному прежде и все же почему-то родному - ибо все подобные русские поселки имеют странную особенность производить впечатление, что все детство провел ты на этих раскаленных от зноя, исходящих паром дорогах, между необъятных сосен и маленьких садиков, из которых свешиваются ветви плодовых деревьев, маня своей сочной тенью, - и возникло это обманчивое и невероятно теплое ощущение, что лето, оно здесь, оно между нами, оно, может быть, только начинается, а все прошедшее было всего лишь его тренировкой, пробной попыткой! А теперь вдруг перед нами вся эта высушенная картина, скорее напоминающая штамп, который разобрали по своим пейзажам уже все художники на свете и который кажется несколько прозаичным и немного грустным.

Но теплые цвета окрестностей успокаивают, мы переходим ручей - какую-то странную, необъяснимую, но остро ощущаемую границу, за которой не встречаем уже больше людей: прежде нам изредка попадались то устремленные вдаль велосипедисты, то походники, а в этой новой, центральной, какой-то сакральной, части леса только мы один на один с громадами сосен и елей на пустынной кирпично-бурой колее. Мы поднимаемся на очередной холм, дорогу сюда вспомнить невозможно, только с запада еще подсвечены огненными всплесками ветви деревьев. Кто-то разводит костер, он принимается вначале слабый, робко лижущий сухой хворост, а потом вдруг взмывает высоко-высоко, будто почувствовавший себя победителем вечерней стихии. От размашистых шагов разлетаются шишки, оставляя круглые проплешины почвы, рюкзаки сброшены, но я не чувствую усталости, только внутренне знаю, что нельзя останавливаться, и я кружусь дальше в собственном непривычном сакральном танце, странное движение жизни захватывает меня - приподнимаю глаза на лиловую корку неба, на довольные взгляды деревьев, кажется, еще одно усилие и можно взлететь к этому небу, к этому

горящему глазу солнца, всё как во сне, когда не нужны крылья... или же нужны, но особые, незримые.

Темнеет быстро, все ярче блики костра проявляются на фоне наших смутных силуэтов в полумраке. Иногда дует ветер, и искристые потоки солоноватого дыма слепят глаза. Бесцельно смотрю на огонь и не могу, не хочу оторвать взгляда; когда огонь уменьшается, съезживается в своих размерах, становится холодно, чьи-то выступившие из сумрака руки подкидывают паленья, вначале пламя как бы не замечает их, обходит стороною, чуть тухнет и вдруг резко разгорается, снова возрождается, рассыпая во все стороны фейерверки огненной пыли. Постепенно слух начинает первенствовать над зрительными ощущениями: смутные образы выступают над горой тлеющего, похожего на застывающую лаву пепла - рассказывают про Лермонтова; фонари таинственно подсвечивают лица так, будто где-то в них самих находится источник этого сияния, который отражается на листах со стихами, и вот между скрючившихся кусков хвороста уже сам Лермонтов проступает анфас, рядом Сушкова в пышном одеянии из языков пламени; проходит секунда, и костер перекидывается, принимается за другие сучья - образы более расплывчатые и мистические, а под конец уже не разборчивые, курятся в воздухе. Кто-то читает «Нищего», слева звучит «Нет, я не Байрон, я другой», какие-то рассказы взывают к демону, и дикий, тоскливый взгляд его улавливается в игре теней, в далекой беспросветной черноте деревьев...

Гитара, поэтические сказания, жар костра - все смешивается в одно; лица, застывшие, похожие на диковинные маски, снова погружаются во тьму, выделяясь время от времени лишь красноватыми контурами, чудится, что всё только видение, и мы тоже сладко спим, грезим и никак не просыпаемся, потому что слишком хорошо в этом сне, слишком мягко ударяются пальцы по струнам, обнимают гриф, хочется писать что-то острое, яркое, как пламя костра, что-то многообразное, воздушное, как улетающие к вершинам сосен песни, темное, непостоянное, как

тени на наших лицах - но слова перемешиваются, и невозможно зафиксировать тот поворот калейдоскопа, где они собираются в различимое кружево.

Встаем, не чувствуя уже ничего: ни жара, ни холода - тушат костер, мы уходим куда-то в темноту, где только наши фонари, как блуждающие огоньки, выхватывают контуры палаток. Я прохожу чуть дальше и всматриваюсь в лес: туманно-белесыми сказочными коридорами, манящими вглубь, видятся мне бесконечные деревья, в жизненном хаосе разбросанные днем, теперь они отчего-то все в правильном совершенно порядке, их можно распределить по сотням вертикалей и горизонталей, по сотням бесконечных прямых, которые зазывно влекут тайной разморённого путника. Гул голосов кажется тише, в этот момент я не чувствую страха, только знаю, что если уйти, если потерять этот островок с фонарями, с теплом человеческих тел, с живыми голосами, если войти в эту иссиня-черную, размеченную стволами глубь, то найти дороги обратно будет нельзя, ибо по-прежнему сомкнутся, свернутся в беспорядке своем деревья, исчезнут голубоватые туннели, воспрянут вместо них пни, ветви, поваленные стволы... Я, отступая на несколько шагов обратно, опускаю фонарик, таинственная сеть леса исчезает из глаз моих, сливается в огромную зияющую пустоту. Внутри платки тепло, чуть пахнет пряным лесом, но мы застегиваем полог, отгораживаемся от враждебного молчаливого чешуйчатого воинства, становится совсем спокойно, сердце бьется ровно, ничьи шаги вскоре не нарушают тишину. Свет от фонаря выхватывает наши профили, разворачивает, растягивает их, как пластичную материю, вдруг лишившуюся упорядочивающей ее формы, что-то сюрреалистичное есть в этом, и в то же время мы не выпускаем эти тени наружу, в бескрайнее пространство леса, и ничем они не грозят нам. Самолеты пролетают над нами в незримой небесной глубине, различимые по гулу двигателей, который встраивается, как боевая волынка, в звуки безостановочно льющейся в меня из портативных наушников музыки; если бы

рассмотреть в высоком ночном сентябрьском небе их силуэты, можно подумать, что это деревья встрепенулись, сбросили с себя многолетнее бездействие и взлетели, отряхивая землистые корни, оставляя нас одних на голой пустынной равнине, беспомощно отгородившихся от каменистого мира стенками палаток.

Солнце встает утром медленно, светит вначале неярко, оставляя персиковые подтеки на стенках палатки, расплзающиеся по контурам встретившейся им на пути листвы. Я встаю не спеша, ощущая холодную влажность пропитанных росой вещей, приятно осаждающую внутреннее, будто еще от костра сохранившееся тепло. Ощущения, как и вчера в ночи, немного заторможенные и заблудившиеся: бодрость вперемешку с легкой истомой, усталостью от короткого сна, легким подсасывающим голодом. Повеяло запахом еды: каша с привкусом сгущенного молока, обжигаящая язык, густая сладко-терпкая ароматная жидкость из чая, смешенного с мёдом и вареньем, действуют успокаивающе, отяжеляя дух и подставляя тебя, беззащитного, утренней сквозящей прохладе. Мы выдвигаемся, пучки солнечных лучей, падающих на нас через прорехи листовяного темно-зеленого полога, постепенно согревают, трезвит тяжесть рюкзаков за спиной. К полудню чары вчерашней ночи совершенно рассеиваются, мы перебираемся через изумрудную, подернутую кружевной ряской воду в оврагах, минуем снова и ручей, и поселок, покидаем, не оглядываясь, наш таинственный холм, и ничего уже не остается в нас от того огненно-мистического, того искаженного, будто отразившегося в кривом зеркале темноты...

Спускаемся в усадьбу, проходим по заросшему мосту с полуразрушенными каменными столбами, вид развалин смутно напоминает что-то средневеково-европейское, может быть, даже кельтскую Шотландию - родину Томаса Лермонта. Дом стоит над озером, над ним парит бельведер с флюгером. Он такой же светлый, теплый, безоблачный, как и весь этот день,

он знаменует собой приближающееся окончание вневременного нашего путешествия. Колонны, белые цветы, до рези в глазах яркая зелень, липовая аллея романтически сливаются в сознании, отгороженные от всего страшно-прекрасного лесного царства, как бы не принадлежащие ему, слишком обжитые, слишком полные одухотворенными образами жителей минувших столетий. Невозможно не быть здесь влюбленным, не писать стихи, не класть мазки на холсты! Это не величественные и холодные старинные развалины замков, воспетые Лермонтовым, это не обиталище фрей и злых колдунов, сюда не забредут белые олени с золотыми рогами, ибо это настоящий тихий Дом: спокойный, глубинно-знакомый, к которому невольно чувствуешь некую врождённую сопричастность, которая стирает грань эпохи, давно минувшей с точки зрения человеческой жизни и такой близкой и осязаемой с точки зрения истории, в чём-то совершенно отличной от нашего миропонимания, а с иной стороны - очень понятной и непреодолимо милой сердцу...

Тася Ашихмина, 8 «Г»